

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
ФГБУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

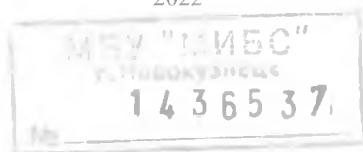
200-летию Ф. М. Достоевского посвящается

ПУТЬ К ДОСТОЕВСКОМУ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Коллективная монография

Новокузнецк Красноярск

2022

2.2. Стилистический анализ регионального медиатекста:

Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском

Стилистика традиционно рассматривает функционирование языковых средств в единстве лингвистических и экстралингвистических аспектов (Ш. Балли, В. В. Виноградов, И. В. Арнольд, М. Н. Кожина и др.). Одним из продуктивных методов стилистики является семантико-стилистический анализ текста, основанный на «разыскании тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка» [Щерба, 1957, с. 26–27] и поэтому становящийся способом приобщения к единству формы и содержания.

Обратимся к такой значимой составляющей организации стилистического анализа на занятиях по русскому языку, как система вопросов, помогающих обратить внимание на семантико-стилистическое своеобразие текста и увидеть возможные выходы к экстралингвистическим факторам, постижение которых связано с изучением творчества автора, культурно-исторического контекста на основе специальной литературы.

Стилистический анализ (как разновидность филологического анализа текста) проходит три этапа, границы между которыми размыты: восприятие, понимание, интерпретация. Восприятие связано с постепенным декодированием текста и опирается на инструментарий языка, понимание происходит при соотнесении целостного текста с действительностью, интерпретация же основана на выходах к культурным кодам. Материалом для семантико-стилистического анализа в данной работе является статья Л. А. Никоновой «Кузнецкий венец» [Никонова, 1986].

Аксиологическая специфика регионального издания определяется мемориально-краеведческой функцией, которую успешно реализует городская газета «Кузнецкий рабочий». Мемориально-краеведческая функция в региональном медиадискурсе сопряжена с базовой для газетно-публицистического стиля функцией социальной оценки. Реализуется мемориально-краеведческая функция в городской газете через информирование и воздействие, связана с привлечением общественности к осознанию региональной идентичности, без которого невозможно решение сегодняшних проблем региона и определение его будущего. Стилистический анализ регионального медиатекста позволяет приобщить студентов и школьников к своеобразием социокультурного пространства региона, способствует патриотическому воспитанию.

Любовь Алексеевна Никонова (1951–2012) – выпускница факультета русского языка и литературы Новокузнецкого пединститута, поэт (член

Союза писателей России), руководитель детско-юношеских литературных студий, научный сотрудник Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского [Имя в истории города]. В музее Ф. М. Достоевского Любовь Алексеевна проработала 5 лет – с 1982 по 1987 [Трухан, 2017, с. 12].

Согласно подходу современной лингвоперсонологии, Л. А. Никонова является элитарной языковой личностью. Вопрос о типологизации языковых личностей в аспекте принадлежности к определённому типу речевой культуры возник в лингвокультурном изучении языковой личности [Маслова, 2007, с. 117–121]. В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротинина, развивая понятие речевой культуры Н. И. Толстого [Толстой, 1991], выделяют четыре типа языковых личностей [Гольдин, 1993], осмысляемые в современной русистике, при этом особое внимание уделяется элитарной языковой личности [Белунова, 2009, Романова, 2006, Сулейманова, 2009 и др.]. Исследовательский интерес именно к элитарной (по О. Б. Сиротининой, полнофункциональной) языковой личности закономерен: носители элитарного типа речевой культуры – «языковые личности, свободно владеющие кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески использующие возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи» [Курьянович, 2013, с. 150]. Таким образом, изучая статьи Л. А. Никоновой о пребывании Ф. М. Достоевского в Кузнецке, мы приобщаемся к такому феномену, как трансляция знания элитарной языковой личностью, направленная на региональный социум.

Первый вопрос, который можно предложить студентам и школьникам, предваряет стилистический анализ статьи: *Почему статья опубликована в начале февраля?* Данный вопрос направлен на обсуждение культурно-исторического контекста, актуализирует тему венчания Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой в Одигитриевской церкви Кузнецка 6 февраля 1857 года.

Второй вопрос привлекает внимание к личности автора: *Какая информация об авторе содержится в конце публикации?* (Л. Никонова, научный сотрудник литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, член Союза писателей СССР.) Именно на данном этапе разговора о газетном тексте возможны обсуждение проблемы типов языковой личности, краткая характеристика понятия элитарной (полнофункциональной) языковой личности.

Третий вопрос был бы возможен в случае креолизованности медиатекста. Но рассматриваемый материал лишён иконических знаков,

что привлекает внимание к организации вербальной составляющей: графически актуализированы заголовок, абзац-зачин (лид), подзаголовки, отражающие значимость композиционного членения текста.

Следующие вопросы, на наш взгляд, целесообразно связать с сильными позициями текста. Восприятие газетно-публицистического текста организуется его сильными позициями – заглавием, лидом, началом и концом, переходами между композиционно-стилистическими единицами.

Вопросы о заглавии связаны с тремя этапами приобщения адресата к имени текста (восприятие, понимание, интерпретация): *Какие ассоциации вызывает заголовок текста – «Кузнецкий венец»? Как раскрывается смысл заглавия в тексте, с помощью каких стилистических приёмов? Какими смыслами «обрастает» заглавие, погружённое в контекст творчества художника Г. П. Захарова и самой Л. А. Никоновой?*

Заглавие «Кузнецкий венец» уже на уровне восприятия, апеллирует к фоновым знаниям адресата, который отмечает использование имени прилагательного, образованного от астионима. Определяемое слово передаёт лексическое значение, содержащее семантику сакральности, высоты, избранности, ответственности, брака, насыщено культурными коннотациями, в том числе перекликается с образом тернового венца. См. в толковом словаре: «1. То же, что венок (устар.). *Терновый венец* (также перен.: мученический). 2. Успешное завершение чего-нибудь как награда за труды, старания (высок.) <...>. 3. Драгоценный головной убор, корона как символ власти монарха <...>. 4. Корона, возлагаемая на вступающих в брак при церковном обряде венчания (устар.). *Пойти под венец с кем-нибудь* (вступить в брак). *После венца* (после венчания). 5. Ореол, светлый ободок вокруг небесного светила, вокруг головы на иконе <...>» [Ожегов, 1975, с. 69].

Читая очерк Л. А. Никоновой, мы понимаем, что название совпадает с названием картины кемеровского художника Германа Захарова (1933 – 1992) [Ф. М. Достоевский и Кузнецк. Электронный ресурс] из серии работ по теме «Достоевский», представленной в музее: *Среди работ, написанных по теме «Достоевский», центральное место занимает портрет Достоевского и Исаевой – «Кузнецкий венец». При взгляде на картину в памяти сразу оживают строки из писем писателя: «Связало нас страдание», «Не заживает душа и не заживёт никогда», «Хоть бы сердце вырвать да похоронить, а с ним всё!»*. То, что название медиатекста полностью повторяет название двойного портрета, безусловно, указывает на значимость живописного образа для интерпретации кузнецкой коллизии и объясняет особенности композиции

очерка, включающего три озаглавленные части: «Коллизия», «Музей», «Художник». Студентам и школьникам можно предложить *вопрос об объёме композиционных частей*. В результате они заметят, что самая большая часть – первая, вторая по объёму – заключительная («Художник»). В конце 1986 г. Л. А. Никонова напишет в городскую газету заметку «Достоевский, прочитанный художником» (20.11.1986). В 1987 г. образ кузнецкого венца будет эксплицирован в сильной позиции конца стихотворения Л. А. Никоновой: *Венца кузнецкого сиянием / необратимо облеклась* [Ф. М. Достоевский и Кузнецк. Электронный ресурс].

Заголовок предопределяет два направления поисков его экспликации во время стилистического анализа текста: фактографическое (связанное с денотативной информацией) и концептуальное (учитывающее и коннотации).

Целесообразным представляется начать поиск фактографической информации с анализа пространственного образа и задать *вопрос о репрезентации образа Кузнецка в тексте*.

Для формирования умения медленного чтения можно предложить выбрать из частей «Коллизия» и «Музей» все контексты, в которых встречаются астионим и образованное от него имя прилагательное *кузнецкий*, связанные с характеристикой места действия, а также кореферентные астиониму номинации.

1) Первое появление астионима (8-й абзац части «Коллизия») связано с содержательно-фактуальной информацией: *В мае 1855 года Исаевы переехали и Семипалатинска в уездный городок Томской губернии Кузнецк, куда Александра Ивановича Исаева «перевели за непригодность в исполнении служебных обязанностей в Семипалатинске»*. Астионим сопровождается приложением *уездный городок Томской губернии*. Благодаря подзаголовку «Коллизия» читатель понимает, что передаваемая информация отражает динамику развития событий, движение к конфликту. См. в толковом словаре: «(книжн.) Столкновение каких-нибудь противоположных сил, интересов, стремлений» [Ожегов, 1975, с. 290]; в специальном словаре: «(от лат. collision – столкновение) противоречие, столкновение, борьба действующих сил, лежащие в основе действия художественного произведения» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 160].

2) 10-й абзац говорит читателю о том, что образ Кузнецка появляется и как образ места и как образ того, что связано с этим местом: *4 июня 1855 года Достоевский написал первое письмо в Кузнецк – и «с Кузнецком началась усиленная переписка»*. Отметим приём использования короткого абзаца, равного предложению, – тип «абзац-стержевая фраза» [Валгина,

2003, с. 64]. Данным абзацем сделан акцент на важной роли эпистолярной составляющей истории «грозного чувства».

3) 12-й абзац продолжает актуализацию темы писем и движения действия: *Осенью писатель, по-видимому, отправил в Кузнецк письмо, в котором просил руки Марии Дмитриевны*. Отметим актуализацию образа автора с помощью вводного слова, передающего субъективную модальность и указывающего на осторожность в суждениях, ответственность за точное представление фактов.

4) В 13-м абзаце появляется образ священника Евгения Тюменцева (пока без указания на его роль в кузнецкой коллизии): *Письмо утрачено. Но это его имел в виду кузнецкий священник Евгений Тюменцев <...>*.

5) В 15-м абзаце астионим используется в одном из фрагментов писем Ф. М. Достоевского к А. Е. Врангелю: *«...Я еду в Кузнецк... Я готов под суну пойти, только бы с нею видеться. Моё положение критическое, надобно переговорить и всё решить разом!»*. Приведённый фрагмент использован в качестве экземплификации характеристик, данных автором очерка в начале абзаца: *Переписка становится взвинченной и мучительной, накапливаются тревожные переживания <...>*. Здесь мы видим одну из важных стилистических черт текста – активное использование репрезентантов эмоциональной сферы. Используемая смысловая структура абзаца, когда в его начале звучат мысли Л. А. Никоновой, которые затем подтверждаются цитатами из писем, используется в тексте неоднократно. Так создаётся эффект смыслового ядра, усиливается звучание ключевых смыслов.

6) Структура 17-го абзаца аналогична описанной выше. Цитата из письма Ф. М. Достоевского иллюстрирует характеристику автора *«Произошло многое»: «Одно появление моё в Кузнецке сделало, что она почти возвратилась ко мне опять»*. Далее в авторском изложении (с последующим приведением фрагмента письма) упоминается имя ещё одного важного героя кузнецкой коллизии: *Ему стали известны имя и личность его кузнецкого соперника <...>*.

7) В 20-м абзаце в связи с рассказом о желании Ф. М. Достоевского помочь Н. Б. Вергунову появляется эргоним *Кузнецкое уездное училище* (место работы Вергунова).

8) 22-й – абзац-стержневая фраза: *26 ноября 1856 года Достоевский приехал в Кузнецк и провёл в городке пять дней*.

Во время стилистического анализа целесообразно обратить внимание на реализацию принципа краеведческого фокусирования в региональном медиатексте: представлены детали пребывания великого писателя в Кузнецке (ср. с названием работы А. С. Шадринной [Шадринна, 1995]).

Номинационная цепочка – важный компонент в структуре медиатекстов – включает кореферентные компоненты «Кузнецк – городок».

9) 23-й абзац, включающий астионим Кузнецк, передаёт динамику событий благодаря включению темпоратива *после поездки в Кузнецк*.

10) 24-й абзац содержит компонент номинационной цепочки – *защатный сибирский городок*.

11) В 25-м абзаце астионим содержится как в авторском изложении, так и в цитате из письма Достоевского. Авторское изложение включает отражающий динамику событий темпоратив: *накануне последней поездки в Кузнецк (25 января 1857 года)*. В высказывании из письма Достоевского Кузнецк предстаёт как локатив: «...*В воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней*».

12) Фактографичность 27-го абзаца создаётся с помощью цитирования достоверного источника: *Как пишет кузнецкий священник Евгений Тюменцев, Достоевский «в конце января 1857 года приезжает в Кузнецк и 6 февраля 1857 года устраивает бракосочетание»*.

13) В 28-м и 29-м абзацах название города связывается с образом церкви, в которой происходило венчание. Таким образом акцентируется кульминационный момент кузнецкой коллизии и самое важное место действия: *Обряд был совершён в Одигитриевской церкви Кузнецка (28); Лучшие исследователи жизни и творчества великого писателя (Л. Гроссман, Ю. Селезнев) доказывали по косвенным источникам, что в Кузнецкой церкви Достоевский пережил мучительнейшие минуты <...> (29)*.

14) 31-й абзац носит фактографический характер и связан со спадом действия в развитии кузнецкой коллизии: *После венчания и свадьбы Достоевские провели в Кузнецке около недели*.

15) 33-й абзац (предпоследний в части «Коллизия») подводит хронологический итог: *В итоге М. Д Исаева прожила в Кузнецке год и девять месяцев; Ф. М. Достоевский провёл в Кузнецке за три приезда 22 дня*.

В части «Музей» астионим Кузнецк употребляется один раз и включён в антитезу прошлого и настоящего: *От деревянного захолустного городка Кузнецка, к которому почти два года было приковано внимание Достоевского, теперь почти ничего не осталось. И все же в нашем молодом индустриальном Новокузнецке существуют небольшие островки старины*. Образ старого Кузнецка актуализирован присубстантивно-атрибутивным придаточным, подчёркивающим значимость кузнецкой коллизии в судьбе писателя.

Однако в этой части пространство старого Кузнецка детализируется и соотносится с современным: *Сохранился деревянный дом портного*

Дмитриева, который в 1855-1857 гг. снимала М. Д. Исаева по ул. Полицейской (с 1901 г. улица Достоевского).

Как видим, поиск репрезентантов фактографического направления развёртывания заголовка «Кузнецкий венец» приводит к обнаружению концептуального направления: звучат темы страстного стремления Ф. М. Достоевского к М. Д. Исаевой, напряжённости в развитии событий, печенания как кульминации кузнецкой коллизии.

В части «Художник», посвящённой творчеству Г. Захарова, мы встречаем только идеоним «Кузнецкий венец», встречающийся 8 раз, поскольку в этой картине Л. А. Никонова видит отражение сути кузнецкой коллизии. Именно после чтения третьей части читатель понимает, что в очерке создан двойной портрет – Ф. М. Достоевского и Г. П. Захарова. Именно такой двойной портрет позволяет читателю соотнести два плана – биографический и творческий, кузнецкую коллизию и её творческое преломление.

Именно часть «Художник» выполняет в статье Л. А. Никоновой функцию интерпретационного ключа, поэтому представляется целесообразным *вопрос о семантических повторах*, поскольку именно они «растягивают» ключевые для автора смыслы. Кроме того, значимость семантических повторов заключительной композиционной части очерка будет подкреплена поиском их репрезентантов в других частях.

Как показывает анализ лексической структуры текста, в части «Художник» неоднократно эксплицируется семантика света:

1-2) «*Кузнецкий венец*» Захарова – это трагедия, но зрителя перед картиной не оставляет ощущение **света**. Даже под густой тенью чувствуется настоящий **свет**.

3) *Откуда это внутреннее свечение?* (самостоятельный абзац).

4-6) Далее – о технике светописа: *Мой метод – светопись, – говорит Захаров <...>. – <...> Это путь к свету, добывание света...*

7-8) Он [Г. Захаров] говорит, что за трагедией чувств, за скорбями и страстями всегда должно присутствовать **светлое** начало. В работе над «Кузнецким венцом» он «добывал **свет**» неустанно (самостоятельный абзац).

9-10) *Не спасено ничего. Видно, что не спасено. Но внутренний свет картины подсказывает, что спасение всё-таки есть. Отсветы «грозного чувства» пробудили к жизни героинь Достоевского* (самостоятельный абзац).

11-12) Для самого Захарова **лучи**, исходящие от «Кузнецкого венца», *озарили* разные стороны мира великого писателя – не только трагедию чувства, но и трагедию мысли (самостоятельный абзац).

13-14) В *луче* «Кузнецкого венца» родился портрет «Бессмертие». Автор называет его «Чёрный Достоевский». У чёрного Достоевского – *светящийся, пронизывающий, всевидящий* взгляд (самостоятельный абзац; соотношение света с пониманием сути, истины позволяет увидеть семантику света и в двух определениях, соседствующих со словом *светящийся*).

15) *Лучи* «Кузнецкого венца» проникают во всё искусство Захарова <...>.

Впервые ключевое слово *свет* появляется в части «Коллизия», где вводится экспрессивный абзац, основанный на амплификации и приёме семантического контраста. Л. А. Никонова выразительно использует конструкцию, приближающуюся к периоду (до двоеточия): *Человек, прошедший каторгу, большой падучей болезнью, писатель, измученный требованиями своего гения, «рядовой без выслуги», страшно тяготившийся солдатской службой, – этот человек вдруг стал необыкновенно счастлив: его жизнь в первый раз озарила светом любви*. Разделённые знаком периода части противопоставлены на основе оценочной семантики: чем интенсивнее нагнеталась пейоративная оценка, тем ярче воспринимается мелиоративная оценка, актуализированная экспрессивной краткой формой имени прилагательного с примыкающим к ней акцентуатором, пояснительной частью бессоюзной конструкции. Ключевое слово *любовь* включено в метафорический контекст. Образ света любви использовал и сам Ф. М. Достоевский (эпилог «Преступления и наказания»).

Ещё один повтор, характерный для части «Художник» и для текста в целом, – образ руки, который встречается в авторском изложении и цитируемых текстах. Сквозной образ передаёт тему связи, помощи, поддержки, обращённости одной души к другой. Появляется он также в первой части:

1) 4-й абзац: *Сам он [Достоевский] писал об этом так: «...Женщина протянула мне руку... родная сестра не была бы до меня ... добрее и мягче...».*

2) 5-й абзац: *Женщина, протянувшая руку Достоевскому, была Мария Дмитриевна Исаева (самостоятельный абзац).*

В части «Художник»:

1) *Художник перенёс «гордое лицо», соединил на оргалит, а рядом выписал страдальческое лицо Достоевского, соединил руки героев – но рука Марии Дмитриевны лежит в ладонях Достоевского безучастно.*

2) *Заключительный абзац текста (сильная позиция): Как сказано в эпилоге «Братьев Карамазовых»: «Ну, пойдёмте же! Вот мы идём теперь рука в руку, и вечно так, всю жизнь рука в руку!».*

Ключевой образ руки в руке становится воплощением нравственной основы любви, основанной на сострадании, милосердии, высшем единстве. Более глубоко ценностная основа таинства венчания, состоявшего в Кузнецке, представлена в статье Л. А. Никоновой 1991 г. [Никонова, 1991] (анализ аксиологической значимости очерка см.: [Трухан, 2017]).

Таким образом, семантико-стилистический анализ очерка Л. А. Никоновой позволяет выявить, с одной стороны, смысловое и композиционное своеобразие краеведческого медиатекста и смоделировать соответствующую этим особенностям систему вопросов для студентов и школьников. С другой стороны, обнаруживаются черты интонации как элитарной языковой личности, эрудированной, способной к рефлексии, к соотношению различных когнитивных и эмпирических областей (биографическая основа кузнецкой коллизии, творчество Ф. М. Достоевского и Г. П. Захарова, личный опыт), к созданию аргументативного текста, воздействующего на читателя газеты благодаря эмоционально-экспрессивной насыщенности и композиционной продуманности. Сотрудники Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского с момента создания музея не только транслируют в региональном социуме знания о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского, но и пробуждают интерес к личности и творчеству писателя. Городская газета «Кузнецкий рабочий» является пространством, в котором представлена краеведческая доминанта «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», обсуждаются вопросы приобщения современника к знанию о великом писателе, погружения в его художественный мир.

6. Никонова Л. Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. — Новокузнецк, 1991. — 31 окт. — С. 4.
7. Никонова Л. Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке // Литературный Кузбасс. — Кемерово, 1993. — № 1. — С. 101-106.
8. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Роман-газета «Кузнецкая крепость». М., 1994. — № 11. — С. 39-42.
9. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке Исследование с точки зрения православного таинства брака // Достоевский и современность: материалы межрегиональной научной конференции. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. — С. 16-25.
10. Никонова Л. Кузнецкий венец // Кузнецкий рабочий. — Новокузнецк, 1986. — 1 февр.
11. Никонова Л. Кузнецкий венец // Огни Кузбасса. — Кемерово, 1988. — № 3. — С. 73—79.
12. Никонова Л. Мир благословенный: книга прозы. — Кемерово: Сибирский писатель, 2006. — 320 с.
13. Никонова Л. «Достоевский и Исаева. 1857» // Знакомый мир неузнаваемый. — Кемерово: Кемеровский редакционно-издательский дом «Книга», 2011. — С. 102.
14. Никонова Л. А. Сокровенное свечение: из опыта читателя // «Распорядилась так судьба...»: творчество Любови Никоновой Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Библиотека «Фесковская»; [сост.: Горбатова Т.В.; ред., сост. библиографии: Киреева Т. Н.]. — Новокузнецк; [б. и.], 2011. — С. 24-35.
15. Трактат // Новый словарь иностранных слов. by EdwART, 2009. — [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36431/ТРАКТАТ, свободный (дата обращения: 29.02.2016).
16. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. — М.: Наука, 1988. — 256 с.

2.2

1. Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. I «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. — С. 26—44.
2. Никонова Л. А. Кузнецкий венец // Кузнецкий рабочий. — 1986. — 1 февраля.
3. Никонова Л. А. // Имя в истории города [Электронный ресурс ЦГБ Новокузнецка]. — Режим доступа: <https://libnkvz.ru/chitatelnyam/0-povokuznetske/imya-v-istorii/nikonova> (дата обращения: 06.01.2020).
4. Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки

- приятия православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. 2017. № 4 (68). – С. 12–16.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Academia, 2007. – 202 с.
6. Толстой Н. И. Язык и культура // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики. – М.: ИРЯЗ, 1991. – Ч. 1. – С. 5–22.
7. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. – Саратов: СГУ, 1993. Вып. 25. – С. 151–160.
8. Белунова Н. И. Элитарная речевая культура и её основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.): учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2009. – 104 с.
9. Романова Т. В. Языковая личность Д.С. Лихачёва как элитарная языковая личность русского интеллигента // Мир русского слова. – 2006. – № 4. – С. 7–13.
10. Сулейманова М. А. Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге: М. Цветаева и Б. Пастернак: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. – 160 с.
11. Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: ТГПУ, 2013. – 219 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: СЭ, 1975. – 846 с.
13. Захаров Г. П. // Фёдор Михайлович Достоевский и Кузнецк [Электронный ресурс ЦГБ Новокузнецка]. – Режим доступа: https://dostoevsky.libnvkz.ru/?page_id=372 (дата обращения: 06.01.2020).
14. Любовь Никонова. Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год // Фёдор Михайлович Достоевский и Кузнецк [Электронный ресурс ЦГБ Новокузнецка]. – Режим доступа: https://dostoevsky.libnvkz.ru/?page_id=239 (дата обращения: 06.01.2020).
15. Коллизия // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: СЭ, 1987. – С. 160.
16. Валгина Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
17. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 154 с.
18. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 31 октября.

2.4

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ: монография. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 392 с.
2. Ашуркова Т. Г. Категория оценки в газетной публицистике советского и новейшего времени (на примере слов «новатор», «передовик», «ударник») Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке: коллектив.